

ных и общих интересов и предотвращении нежелательных последствий взаимодействия людей, несмотря на отсутствие индивидуальных мотивов поступать в соответствии с общими интересами. За прошедшие столетия со времён А. Смита экономисты убедились, что одного рынка недостаточно для трансформации частных интересов и частной выгоды в общие интересы и общую

выгоду. Лишь путём постоянно осуществляемых итераций общего и частного посредством системы социальных институтов удаётся достичь приемлемого для данного момента их соотношения. В перспективе можно ожидать постепенного увеличения «удельного веса» общих благ в совокупности средств, удовлетворяющих человеческие потребности.

А.В.КОВРИГА,

Харьковский национальный университет им. В.Н.Каразина

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: НОВАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ?

Содействие, которое экономическая теория оказывает осуществлению власти, можно назвать ее инструментальной функцией в том смысле, что она служит не пониманию или улучшению экономической системы, а целям тех, кто обладает властью в этой системе

Джон К. Гэлбрейт¹

Значимость освоения институционального подхода и развертывания полномасштабной исследовательской программы под эгидой институционализма сегодня уже вряд ли вызывает сомнения, как в экономической профессии, так и в сфере, где формируется практическая экономическая политика и будут использованы получаемые знания. Институциональный подход вновь, как и столетие назад в США, завоевывает признание и приобретает важную роль не только в научной работе, но и в сфере образования и в практической политике². «Анализ воздействия институтов на

экономическую деятельность лежит в центре экономической науки. Тем не менее, институциональный анализ часто остается имплицитным и многие важнейшие аспекты пребывают не выявленными»³.

В экономической науке сегодня присутствуют по крайней мере две масштабных версии институционализма: новая ин-

¹ Гэлбрейт, Джон К. *Экономические теории и цели общества*. Пер. с англ. под ред. Н.Н. Иноземцева и А.Г. Милейковского. Москва: Прогресс. – 1979. – С.31.

² См., например, работу Международного общества по новой институциональной экономике, обзоры и публикации в журнале «Институциональной и теоретической экономики», «Вопросы экономики» и др., в трудах «Философско-экономического ученого собрания» в России: *Экономическая теория на пороге XXI века* – 6. В 2-х

книгах. Кн. 1. *Философия хозяйства*. Кн. 2. *Теоретическая экономика* / Под ред. Ю.М. Осипова. В.В. Чекмарева, Е.С. Золотовой. – Москва: Юристъ. – 2002. – 655 с.; в 2002 теме институциональной политики также полностью посвящен отчет о развитии Мирового банка: World Bank. (2002). *World Development Report 2002: Building Institutions for Markets*. New York: Oxford University Press.

³ Feeny, David. (1993). *The Demand for and Supply of Institutional Arrangements*. In Ostrom Vincent, Feeny David and Picht Harmut (Eds.). *Rethinking Institutional Analysis and Development: Issues, Alternatives and Choices*. San Francisco, California: ICS Press, p. 159.

ституциональная экономика и “старый” или последовательный институционализм⁴. Сам же современный поворот к институционализму по содержанию и глубине может быть представлен не менее чем в пяти “вариантах”: тематический, предметный, эпистемологический, методологический и наиболее принципиальный и глубокий, онтологический поворот⁵. Для дальнейшего конструктивного развития этой “экспансии” необходимо более артикулированное представление смысла и содержания “поворота” к институционализму.

В данном очерке мы наметим несколько ключевых аспектов характеризующих проблемы, смысл и содержание обращения к институционализму.

Освоение институционализма как метода и практического инструмента надо рассматривать по крайней мере в следую-

⁴ Мы не рассматриваем здесь в деталях исследовательские программы различных версий институциональной экономики и весьма важные микропредметные и микродисциплинарные различия, которые строятся на отдельных аспектах, принимаемых за данное экономических систем, или на отдельных аналитических категориях (экономической истории, экономики и права, трансакционных издержек, структуры власти, прав собственности, структуры ценностей, схем общественного выбора, и т.п.).

⁵ Боб Джессоп (профессор Ланкастерского университета, Великобритания) в своей типологии выделяет только три варианта “поворотов” к институционализму: тематический, методологический и онтологический. По-видимому это обобщение и дифференциация могут быть весьма плодотворными для западной экономической науки, где кристаллизация различных предметных сфер и исследовательских программ в экономике имеет достаточно широкий характер, однако с нашей точки зрения для преодоления кризиса обществоведения в пост-советских странах такого расчленения не достаточно. Ситуация переходной экономики и слом методологических основ общественной науки за последние 15 лет породили гораздо более радикальные требования ко всей интеллектуальной и организационной “оснастке” экономической профессии в пост-советских обществах.

щих рамках: а) формирования новой парадигмы в общественных науках и преодоления мифологических конструкций и догм, образовавшихся в течении последних трех веков, но закрепившихся прежде всего в XX веке, насыщенном глобальной идеологической борьбой и концептуальными столкновениями; б) в рамках реинституционализации самой политической экономики как научной дисциплины и профессиональной практики (включая формирование новых способов знания, новых методов легитимации знания и освоение нового социального статуса политэкономов – что в целом, даёт профессии возможности наращивания её символического капитала); в) избавления от натурализма и институционального фетишизма, формирования современной практики институционального строительства и институциональной политики. Таким образом, освоение институционализма имеет две фокусировки: внутрипрофессиональную, связанную с “требуемым современностью наведением порядка” в профессиональном цехе, и общесоциальную, обусловленную выходом человеческого сообщества на принципиально новый уровень понимания и практических возможностей сознательной интервенции в процессы институционального развития.

Во “внутрипрофессиональной фокусировке” смысл обращения к институционализму может включать: во-первых, преодоление институционального фетишизма и отход от использования в качестве онтологической функции (исключительно) институциональных порядков, сложившихся в экономически лидирующих странах мира; во-вторых, преодоление методологического индивидуализма и создание более реалистической картины агентов и субъективностей современного хозяйства и действенных инструментов экономической политики; в-третьих, преодоление вульгарного использования концепций бихевиоризма, экономической рациональности и

“рационализирующего максимизаторства” homo economicus; и в-четвертых, применение институционального подхода к самой экономической профессии, которое признаёт институциональную детерминированность процессов знания⁶, методов его получения, распространения и легитимации и принципиальное значение самой институциональной организации (постоянной реорганизации) и общественного конституирования экономической профессии⁷. Здесь нам важно подчеркнуть, что политическая экономия, начиная с таких её институтов как “Политэкономический клуб Лондона” и до “Международного общества Мон-Пелерин”, престижного и влиятельного Совета экономических консультантов при Президенте США, от создания авторитетной экономической периодики и профессиональных ассоциаций в XIX в. и до академической институционализации политической экономии и т.д., прошла несколько циклов взлётов, падений и трансформаций своей эпистемологической, социальной и институциональной организации. В этих циклах профессия приобретала

⁶ Как утверждал Карл Поппер ещё в начале сороковых годов XX в., социальные науки пока еще слабо используют социальные и институциональные инструменты научной объективности. “Поэтому они являются подлинно “тотальными идеологиями”: Поппер, Карл Раймунд. *Открытое общество и его враги*. Т. II: *Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы*. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – Москва: Феникс. – 1992. – С.256.

⁷ Лишь указывая на смысл данного аспекта подчеркнём, что “научная объективность” не есть продукт индивидуальной беспристрастности и профессиональной честности отдельного ученого. В действительности научная объективность является продуктом общественного характера научного метода и исторически конкретного способа легитимации знания. Индивидуальная же беспристрастность ученого – в той мере, в какой она существует – является не источником, а скорее результатом социально или институционально организованной объективности науки. См.: Поппер К.Р., там же, с. 254.

различные общественные роли, престиж и статус – обладала различным символическим капиталом и кредитоспособностью на “рынке идей”. Перспективы развития профессии будут определяться тем, как мы сможем адаптировать представления о *политической экономии знания и индустрии идей* в XXI в. и построить институциональную организацию самой профессии, её “познавательных институциональных комплексов” и каналов влияния на институциональное развитие общества, адекватных проблемам и вызовам современности.

Одна из наиболее важных и перспективных функций и задач институционализма – это последовательная “институциональная критика” и освобождение от мифологизированных представлений конвенциональной онтологии капитализма. Онтологические источники идеологии и мифологии либертарианства, заложившие основы современной конвенциональной онтологии капитализма, уже были рассмотрены ранее⁸. Здесь мы сфокусируемся на наиболее важных аспектах этой идеологии, которые позволили изъять и “удерживать в забвении” институциональную действительность – центральный предмет исследовательской и конструктивно-технической работы политической экономии.

Регулярности хозяйственно-экономической практики, которые экономисты пытаются выявить и описать зависят от базовых институциональных условий. Для подхода к изучаемым регулярностям как к неким законам экономист опускает в своей практике институциональную динамику и зависимость, базовые институциональные

⁸ Они представляют собою выделение аналитических категорий рынка, гражданского общества и государства и натуралистическое использование их в качестве “реальных” и отдельно существующих сфер. См.: Коврига А.В. *Онтологическая революция нового времени: гражданское общество, рынок и государство*/Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Економічна серія. № 564. – Харків. – 2002. – С.6-17.

условия рассматриваются как непроблематизируемые и неизменяемые. Эта законсообразность приобретает еще более фундаментальные черты при трактовке институциональных оснований “капитализма” или “рыночной экономики”, как природного и естественно-необходимого содержания самой экономической организации, а не как достаточно сложный, ветхий и требующий постоянной искусственно-технической поддержки, политэкономический компромис. Такая трактовка связана с социальной обусловленностью экономической теории и научной деятельности в целом⁹. Она отражает не только цели политэкономической профессии, но и превалирующие конкретно-исторические методы оправдания и легитимации научных теорий, является результатом социального процесса переговоров и “риторического убеждения” внутри научных сообществ и более широкого социального окружения¹⁰.

Именно поэтому экономическая наука в течении XVIII-XIX вв., вовлекаясь в общее движение “освобождения европейцев от старых социальных смыслов и экономических ограничений”, постепенно облачалась в “одежды” естественной науки, подобно ньютоновской механике производящей “необходимости” и укрепляющей “диктатуру знания” – так обеспечивалась её конкретно-историческая “научная легитимность”¹¹.

В этот период экономическая наука и политическая экономия стремятся обрести легитимность используя престижные паттерны естественно-научной организации. Результаты исследований оформляются как некие универсальные закономерности и сам язык политической экономии насыщается натуралистической “естественно-научной” терминологией. С другой стороны предметное содержание, объектная составляющая и проблематика отражают доминирующий идеологический процесс. Научные концепции в экономике получают свою легитимность в зависимости от их возможностей в использовании для укрепления власти и совершенствования режимов капитализации основными пользователями. “[И]деи принимаются академическим сообществом не потому, что они имеют внутреннюю ценность, ... но потому что они могут быть проданы как инструменты позволяющие пользователям более легко достигать своих целей”¹². Неоклассическая идеология в экономической науке, в версии, институционализированной в западном, англо-саксонском мире, наилучшим образом отражает онтологию капитализма и выражает современную “англо-американскую” общественную идеологию¹³. Поскольку “индивидуализм” стал ключевой особенностью западного общест-

⁹ Онтологическая база, эпистемологическая стратегия и метод, формы знания имеют конкретно-исторический характер. Ср. также известное марксистское учение о том, что моральные и научные убеждения и взгляды людей определяются их “классовыми интересами”, и конкретными социально-историческими условиями.

¹⁰ О зависимости социального статуса экономической теории от ее риторических возможностей и стратегии легитимации см. статью Ускали Мяки: Mäki, Uskali. (1993). *Social Theories of Science and the Fate of Institutionalism in Economics*. In Mäki Uskali, Gustafsson Bo and Knudsen Christian. (Eds.). (1993). *Rationality, Institutions and Economic Methodology*. London and New York: Routledge, p.82.

¹¹ О роли финансовой системы в создании объективных, универсальных и калькулируемых измерителей, освобождающих европейцев от традиционных уз и социальных ограничений, см. у Льюиса Мэмфорда: Mumford, Lewis. (1986). *The Origins of the American Mind*. In Miller, Donald L. *The Lewis Mumford Reader*. New York: Pantheon Books, pp. 255-256.

¹² Earl, Peter E. (1983). *A Behavior Theory of Economists' Behavior*. In Eichner A.S. (Ed.). *Why Economics Is Not Yet a Science*. London: Macmillan, p. 90.

¹³ Burkhardt, J. and Canterbery, E.R. (1986). *The Orthodoxy and Professional Legitimacy Toward Critical Sociology of Economics*. Research in the History of Economic Thought and Methodology, No. 4, p. 245.

ва, аккумулировавшего классическую либеральную идеологию, методологический индивидуализм доминирует и в экономической теории. Экономическая профессия для легитимации своего собственного существования “прикрепляется” к преобладающей и наиболее легитимной социальной идеологии. Тематическое, предметное и онтологическое содержание политической экономии, как определённой сферы профессиональной деятельности, определяется её стремлением обладать “адекватными” институциональными и когнитивными возможностями и соответствующим политэкономическим, социально-культурным и эпистемологическим статусом на интеллектуальном рынке. Практикуемая онтология, метод, эпистемология и форма знания оказываются во взаимодействии с общественным статусом и функциональным местом производителя знания. Стандартный неоклассицизм и новая институциональная экономика привержены (методологическому) индивидуализму, поскольку индивидуализм – это преобладающая социальная идеология на Западе, в то время как старая институциональная экономика является холистической¹⁴. Всем этим и обусловлена социальная судьба и научно-общественный рейтинг подходов: условно на первом месте стоит main stream – “узкая неоклассическая экономика”, как наиболее явно отражающая капиталисти-

ческую онтологию и выполняющая широкие общественно-идеологические функции; на втором месте находится “новая институциональная экономика”, как дополняющая неоклассический подход (и, фактически, ещё более укрепляющая наличную капиталистическую онтологию и институциональные порядки, сложившиеся в доминирующих западных экономиках); и на третьем месте “старый, радикальный институционализм”, который ортогонален доминирующей онтологии и традиционно критически рассматривает многие аспекты институциональной организации экономики и общества, сложившихся в западных демократиях¹⁵.

Доминирующая идеология конвергенции всех хозяйственных порядков к унифицированной системе, основанной на лучшей институциональной организации, также создаёт дополнительные “благоприятные условия” для превращения неоклассического подхода в наиболее легитимный.

Конвенциональная практика гуманитарных наук в последнее столетие отказывалась признать детерминистские допущения о “невидимых институциональных системах”, и неизбежных институциональных ограничениях, диктующих процессы истории. Эти идеологические предпосылки, вкуче с мощной машиной международной идеологической помощи, укоренённой в институтах холодной войны, создали также условия для ускоренной догматизации

¹⁴ С другой стороны мы здесь сталкиваемся с рефлексивной инверсией, поскольку “Здесь также может быть выдвинут аргумент, что общая индивидуалистическая идеология более или менее точно отражает социальные и ментальные реальности доминирующие в Западном обществе, и поэтому экономическая теория основанная на индивидуалистических полаганиях может лучше схватывать эти реальности, нежели теории с неиндивидуалистическими основаниями”. См.: Mäki, Uskali. (1993). *Social Theories of Science and the Fate of Institutionalism in Economics*. In Mäki Uskali, Gustafsson Bo and Knudsen Christian. (Eds.). (1993). *Rationality, Institutions and Economic Methodology*. London and New York: Routledge, p.103.

¹⁵ Если провести исключительно критический логико-методологический анализ данных трёх подходов, как таковых, то их “иерархия”, с точки зрения научного статуса и объективности, будет выглядеть несколько иначе. “Научная власть” и убедительность, кредитоспособность подходов, их символический капитал является комбинацией научно-методологической компетентности и социально-инструментальной власти.

проблем перехода от социализма к капитализму, от плана к рынку¹⁶.

Однако, как пишет один из лидеров разработки радикальной социальной теории, гарвардский профессор Роберто Унгер, “[м]ы не можем достичь даже ограниченного согласования экономической гибкости и социальной защиты в рамках установленных институциональных порядков. ... Попытки примирения экономической гибкости и социальной защиты, при минимальной институциональной реконструкции, очевидны как неполные и неэффективные”¹⁷.

Сегодня на пути преодоления институционального фетишизма – или институциональной майопии, лежат несколько групп больших мифов конвенциональной позитивной социально-гуманитарной науки. Во-первых, это концепция о том, что рынок является “институционально определённым”. Данный миф основан на жестком отрицании того, что рыночная экономика может быть организована многими различными путями с радикально различными последствиями, не только для её производительности, но и для общественной жизни в целом. Несмотря на то, что этот факт был, по-видимому, одним из наиболее важных открытий сделанных гуманитарным знанием в XIX-XX вв., данное понимание пока ещё по настоящему не про-

никло в экономическую науку¹⁸. Полномасштабное признание данного открытия может оказаться слишком разрушительным, как для всего здания конвенциональной экономической науки, корпоративного капитализма, так и для систем государственного управления экономикой и могущества западных демократий. Вторая группа мифов основана на неприятии того, что институциональная организация рынка оформляет только часть институционализированной жизни общества. Выбор и принятие какой-либо специфической институциональной организации экономики основывается не только (и не столько!) на “экономической рациональности” и целях “экономической выгоды”. Трактовка эволюции экономических институтов исключительно и преимущественно в рамках проблемы повышения производительности и эффективности, отделение этих процессов от институционализации остальной социальной жизни и действия экстраэкономических институтов, является методологическим заблуждением. Невозможно непротиворечивым способом связать практику максимизационных решений, сделан-

¹⁶ См., например, характерные тексты о проблемах институционализации капитализма, всемерного развития экономических свобод, создания эффективного института прав собственности в б-СССР ведущих идеологов и консультантов Джеффри Сакса и др.: Sachs, J.D. and Pistor, K. (Eds.). (1997). *The Rule of Law and Economic Reform in Russia*. Oxford: Westview Press of Harper Collins Publisher.

¹⁷ Unger, Roberto Mangabeira. (2001). *False Necessity: Anti-Necessitarian Social Theory in the Service of Radical Democracy*. London and New York: VERSO, p.xix.

¹⁸ Важнейшей здесь стоит классическая работа Карла Поляни 1944 г.: “*Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени*”. Так он писал, что “[н]е было ничего естественного относительно *laissez-faire*; свободные рынки никогда не могли позволить событиям плыть по своему собственному руслу... *Laissez-faire* само по себе приводилось в действие государством. В 30-е, 40-е годы XVIII в. происходил не только всплеск законопроектов отменяющих ограничительные положения, но так же и гигантский рост административной бюрократии, способной выполнять задачи, установленные приверженцами либерализма... *Laissez-faire* не было методом достижения чего-то, скорее, это было то, что должно было быть достигнуто”. Polanyi, Karl. (1944). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Beacon Press, Boston; см. также: Polanyi, Karl. (1957/1992). *The Economy as Instituted Process*. In Granovetter, Mark and Richard, Swedberg. (Eds.). (1992). *The Sociology of Economic Life*. San Francisco: Westview Press, pp. 29-51.

ных в рамках успешно действующих экономических институтов, с принципами, которыми руководствовались при выборе и формировании самих этих институциональных рамок¹⁹. Институциогенез в экономике движим множеством факторов и “максимизация выгод” и повышение экономической эффективности (даже при условии учета влияния процессов инноваций и технологического совершенствования) не могут служить единственными и замыкающими критериями²⁰.

¹⁹ Ведущие и наиболее влиятельные новые институционалисты (Дуглас Норт, Оливер Уильямсон и др.), историки экономики (Альфред Чандлер и его гарвардская школа), и многие эволюционисты опираются на тезис о повышении эффективности (или минимизации издержек и затрат) как принципиальный. См., например: Davis, L.E., and North D. (1970). *Institutional Change and American Economic Growth: A First Step Towards a Theory of Institutional Innovation*. Journal of Economic History, Vol. 30, No. 1 (March), pp. 131-149; North, D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, England: Cambridge University Press. Это вполне естественно и объяснимо учитывая их институциональную включенность в процессы дальнейшего совершенствования корпоративного капитализма в США. Однако, как показала история последнего десятилетия, подходов и знаний, накопленных в институционализме, совершенно недостаточно для решения задач по институциональной реконструкции переходных экономик. См. на этот счет красноречивые признания Рональда Коуза, Оливера Уильямсона и Эрика Фуруботна: Williamson, Oliver E. (1996). *The Mechanisms of Governance*. Oxford: Oxford University Press, p. 375; Furubotn, Eirik G. (1992). *Eastern European Reconstruction Problems: Some General Observations*. Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE), Vol. 148, pp. 201-206.

²⁰ Убедительные исторические свидетельства о роли государства в формировании институтов американской экономики приведены Уильямом Роем в его описании истории корпоративизации США в XIX веке: См.: Roy, William G. (1994). *Socializing Capital: The Rise of the Large Industrial Corporation in America*. Princeton: Princeton University Press.

Институциональные и идеологические рамки обществ являются наиболее “жесткими” социальными фактами, обладают наибольшей сопротивляемостью для трансформации и наиболее богатым спектром эффектов. Однако “[н]ет такого набора институциональных практик или концепций общественной жизни, которые могут когда либо завоевать полную победу”²¹.

Для успешной практики институционального развития необходима историческая реконструкция и восстановление принципов “работы” основополагающих институциональных инфраструктур: а) на которых зиждятся современные демократии и экономики западного капитализма; б) подлежащих традиционным обществам, не включённым в современный “капиталистический оборот”, но являющихся составной (интегральной) частью западного капитализма; в) институциональных комплексов на которых было построено (и сегодня во-многом по-прежнему воспроизводится) постсоветское общество, экономика и государство.

Осуществив “комплексный поворот” к институционализму, включающий построение нового объекта анализа и методов оформления и легитимации знаний, построив комплексную картину институциогенеза онтологии и практики современного капитализма и традиционных обществ, экономическая профессия сможет приобрести легитимность адекватную современным вызовам и проблемам, трансформировать свою собственную организацию как современной профессии и восстановить свою интеллектуальную роль, и тем самым, претендовать на более значимый академический и политический статус.

²¹ Unger, Roberto Mangabeira. (2001). *False Necessity: Anti-Necessitarian Social theory in the Service of Radical Democracy*. London and New York: VERSO, p.221.